

О ландшафтной природе субъективности

© 2020 г. Ю.Г. Тютюнник

*Институт эволюционной экологии Национальной академии наук Украины,
Украина, Киев, 03143, ул. Акад. Лебедева, д. 43.*

E-mail: yulian.tyutyunnik@gmail.com

Поступила 13.05.2019

В статье на базе положений, понятий и концепций экзистенциализма, феноменологии и постструктурализма в сочетании с топологическим подходом предлагается экзистенциально-топологическая схема обоснования ландшафтного генезиса субъективности как таковой и каждого конкретного индивидуального «Я». Показано, что, начиная с ранних этапов формирования новоевропейского мышления и научного метода, взгляд на субъективность и «Я» как онтологически и топологически независимые от ландшафта категории, приводит к фундаментальным, неустраняемым ошибкам и дефектам в практике научно-технической и технической деятельности в сфере природопользования. От них можно избавиться, только кардинально пересмотрев всю метафизику связи человека с ландшафтом, которая имела и имеет место в новоевропейской истории, философии, науке. Этот пересмотр объективно необходим и исторически неизбежен, но сопряжен с нетривиальными трактовками субъективности, свойственными иным (не западным) культурам и, возможно, до-новоевропейскому периоду философской культуры Запада.

Ключевые слова: европейский нигилизм, ландшафт, новоевропейская наука, поверхность смысла, субъективность, феноменология, экзистенциальная топология, Хайдеггер, Делёз, Лосев.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–3-194-203

Цитирование: Тютюнник Ю.Г. О ландшафтной природе субъективности // Вопросы философии. 2020. № 3. С. 194–203.

About Landscape Nature of Subjectivity

© 2020 Yulian G. Tyutyunnik

*Institute for Evolutionary Ecology, National Academy of Sciences of Ukraine,
37, Lebedeva str., Kiev, 03143, Ukraine.*

E-mail: yulian.tyutyunnik@gmail.com

Received 13.05.2019

On the basis of concepts of existentialism, phenomenology and poststructuralism in combination with a topological approach the article offers an existential-topological scheme for substantiating the landscape genesis of subjectivity as such and for each specific individual "I". The author demonstrates that since the early stages of forming of new-european thought and scientific method, a look at subjectivity and "I", as ontologically and topologically external in relation to a landscape categories, leads to fundamental errors and defects in practice of the use of natural resources. You can get rid of them only by radically revising the whole metaphysics of a human's connection with the landscape taking place in a new-european culture until now. This revision is objectively needed and historically inevitable.

Keywords: landscape, existential topology, subjectivity, european nihilizm, new-european science, Heidegger, Deleuze, Losev.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-3-194-203

Citation: Tyutyunnik Yulian G. (2020) 'About Landscape Nature of Subjectivity', *Voprosy filosofii*, Vol. 3 (2020), pp. 194-203.

Конец XX и первое двадцатилетие XXI в. для многих специалистов, осмысливающих будущее ландшафтной сферы и биосферы, а также работающих в практической области по «сбалансированному развитию», «охране», «сбережению» окружающей среды и т. п., ознаменовались двумя важными методологическими событиями: а) явным или завуалированным осознанием того, что «оптимизация природопользования» в целом не достигает своих целей, в силу каких-то фундаментальных исторических и экзистенциальных причин; б) утверждением в эпистемологии «состояния постмодерна», который создал новые условия для теоретической работы и научного поиска, концептуального осмысления и практических разработок в области этой «оптимизации». Сформировались предпосылки для кардинальных исторических перемен в самом научном дискурсе относительно проблематики «природопользования». Речь не только о смене парадигм, но и об изменении самого способа научного мышления и далее – научно-технической и технической деятельности, в сфере взаимодействия человека с ландшафтной оболочкой. Важнейшей составляющей этого изменения нам видится тезис об императиве *ландшафтной природы субъективности*. Любая активность Я, но прежде всего научно-техническая и техническая, должна быть безальтернативно подчинена этому императиву. На первый взгляд в этом утверждении не содержится чего-то принципиально нового: многочисленные декларации разного рода «живых этик», «био-» и «экоэтик», «глубоких экологий», «сакральных географий» и т. п. утверждают примерно то же. Но ландшафтный подход имеет одну особенность: он одновременно экзистенциален и топологичен по существу, по своей природе. Связь человека и ландшафта не просто утверждается, что и на вещественно-энергетическом, и на символическом («духовном»)

уровне достаточно очевидно, она конструируется и конституируется неким облигатным экзистенциально-топологическим способом. Возникающую в результате конструкцию нельзя ни обойти, ни проигнорировать, ни «приручить» или «подогнать» под какую-либо теорию: ее можно только принять как факт и считаться с ней. Ибо если этого не делать, то тогда можно заводить речь (уже сегодня или в недалеком будущем) ни много ни мало о разрушении субъективности как таковой – в целом, а значит, и каждого конкретного Я в отдельности.

Для нас важным будет также то, что экзистенциально-топологический подход позволяет без особых проблем сохранить метод рациональной науки и одновременно сделать возможной глубинную трансформацию самого понятия рационального. Нужно сказать, что попытки подобных трансформаций с опорой на исторический и аксиологический «материал» в современной философии науки приобретают довольно радикальные формы [Фейерабенд 2010].

Итак, стремясь сохранять баланс между рациональной традицией европейской культуры и радикальной трансформацией самого научного метода, попытаемся решить следующую задачу: обосновать ландшафтный генезис субъективности, как таковой, и каждого конкретного Я в отдельности.

Экзистенциально-топологическая предпосылка ландшафтности Я

Исчерпывающе поставленную задачу в рамках статьи очевидно решить невозможно, уже хотя бы потому, что существует ряд философских учений, отталкиваясь от которых, можно было бы подойти к ее решению. Мы остановимся на онтологиях М. Хайдеггера и Ж. Делёза, а также на феноменологии А.Ф. Лосева. За отправной пункт возьмем идеи трактата Хайдеггера «Европейский нигилизм» [Хайдеггер 1988]. Эта работа примечательна тем, что в ней немецкий мыслитель дал не только глубокий и убедительный анализ того, как и почему европейский метафизический проект, новоевропейский дискурс, сформировавший ментальную основу современного общественного бытия (сегодня уже глобализированного), привели к печальным экологическим результатам, которые мы теперь наблюдаем, но и наметил путь, ступив на который можно было бы выйти из сложившейся ситуации, не разрушая те достижения западного рационализма, которые объективно имеют место.

Согласно Хайдеггеру, дело, начатое Платоном в акте соединения «идеи» и «блага», через века продолжил Р. Декарт, сопрягая метод и ценность. Закладывая метафизический фундамент новоевропейской науки в своей знаменитой максиме *cogito ergo sum*, он видел в его средоточие в том числе и ценностей. «Священная формула» европейской рациональности явно или неявно сопрягла метод с ценностью так, что он начал от нее зависеть (вплоть до макиавеллиевского «цель оправдывает средства»). А Ф. Ницше под европейским метафизическим проектом подвел черту. Он «обосновывает» ценность как условие возможности воли к власти и конечной целью метафизики делает «глобальный план волевого овладения бытием» [Там же, 309]. К чему это привело в исторической практике – и не только «природопользования», мы теперь хорошо знаем.

Порочная, «нигилистическая», по выражению самого Хайдеггера, схема новоевропейской метафизики лежит в основании всего научного, научно-технического и технического обустройства западной цивилизации, ставшей сегодня уже глобальной. Возможна ли ее дискурсивно более-менее строгая, не декларативная трансформация с таким расчетом, чтобы, не отказываясь от европейской рациональности, одновременно свернуть с пути, приведшего «цивилизацию» к конечной станции «ничто», застолбленной пресловутой «волей к власти»¹? Сам Хайдеггер в трактате «Европейский нигилизм» не дает прямого ответа на этот вопрос, оставляя его открытым². Но он указывает на контуры путей, пойдя по которым, возможно, удастся достичь этой цели.

Прежде всего философ обращает внимание на то, что формула Декарта *cogito ergo sum* не есть формула, выражающая причинно-следственную связь («*ergo*» – «следова-

тельно», «значит»). Декарт вел речь не о следовании («...следовательно, существую»), а о представленности. Я конституируется и утверждается в факте представленности не-Я («окружающей предметности»). Из этого факта делается вывод о «наличии» субъективности, как таковой, и Хайдеггер, используя один из эффективных приемов своего философствования – дефисное письмо, трансформирует декартовское *cogito, ergo sum* в *cogito-sum* [Хайдеггер 1988, 281]. Это довольно радикальная трансформация, мы в ней усматриваем начало того кардинального поворота, который может предоставить нам возможность свернуть с магистральной стези волящей новоевропейской метафизики. В чем «изюминка» проделанной трансформации? – Именно вот в этом «дефисном приеме»: Хайдеггер подменяет дискурс топики, вместо слова «*ergo*» использует графический символ, пусть самый простой, но уже обладающий топологическими свойствами фигуры, или, как сказал бы А.Ф. Лосев, фигурности. Нам дальше – по этому пути.

Шаг второй. *Cogito-sum* может быть понято и утверждено как *sum res cogitans* (Я существую как вещь мыслящая), а *res* («вещь»), очевидно, имеет протяженность. Картезианское соединение «протяженности» и «вещи» в *res extensa* нежелательно по многим причинам, Хайдеггер их подробно разбирает, и мы не будем в это углубляться³. Для нас в данном случае важнее попытаться топологически «выйти» на соотношение протяженности и вещи в каком-то ином, отличном от картезианского, смысле. Как ни странно, но сделать это вовсе не сложно. Повторим дефисно-топологический прием Хайдеггера: поставим между *res* и *extensa* графический знак «-». Для этого нам придется заменить прилагательное *extensa* на существительное *extentus* («протяжение»). Получим *res-extentus* – протяжение как вещь, или вещь-протяжение. Сразу же подчеркнем: речь не идет и не может идти о пространстве. Пространство, если только оно не Великая Пустота Левкиппа – Демокрита или не универсальное вместилище И. Ньютона, местится-конституируется вещами, метрикой предметности и/или процессуальности, то есть по существу теми же «вещами протяженными», от которых мы хотим отказаться. На саму протяженность как таковую следует взглянуть как на вещь. В этом случае мы помыслим (или увидим?) не пространство или нечто пространственное, или даже нечто опространствливающее, а чистую топологию – топологию как предмет или геометрию как вещь. Такая геометрия непривычна для новоевропейского мышления, но ее можно встретить на более ранних его этапах. В частности, А.Ф. Лосев подчеркивал, что в древнегреческом атомизме сливались воедино физическая материальность атома и его геометрическая структурность (формальность, идеальность), элины их попросту не разделяли, хотя вполне отчетливо различали [Лосев 2000].

Сведенную до топологии предметность можно называть по-разному, в зависимости от того, на каком ее свойстве мы хотим сделать акцент. Мы делаем акцент на ее экзистенциальности – отсюда понятие экзистенциально-топологического (можно сказать, «расширенная» аналогия физико-геометрического древних греков). Одним из самых удобных и продуктивных дискурсивных представлений экзистенциально-топологических феноменов является делёзовское понятие *поверхности смысла* [Делёз 1995]. В контексте нашей темы продуктивность понятия *поверхности смысла* состоит, в первую очередь, в том, что оно неплохо поддается ландшафтной интерпретации, и наоборот – ландшафт без особых усилий можно интерпретировать как *поверхность смысла* [Тютюнник 2002; 2011].

Для нас при решении поставленной в статье задачи важнейшими свойствами *поверхности смысла*, интерпретируемой как ландшафт и наоборот, будут те свойства, что они – ландшафт и *поверхность* – обладают сплошностью (в ландшафтной географии известной как *эмерджентность* ландшафта) и всеобщностью «паутиноподобных» связей между разными смыслами, «местящими» (конституирующими) *поверхность*: это – знаменитая *ризома* Делёза – Гваттари. Если абстрагироваться от вещественно-энергетического «наполнения» *смысла*, то предметность «на» его *поверхности* представляется ч и с т о топологически – в виде складок, из которых образуются те или

иные формы [Делёз 1998]. Первичное порождение складок обуславливается фактом наличия на поверхности смысла *сингулярностей* [Делёз 1995]. Последние обуславливают не просто складки, а типы складчатости, которые с ландшафтоведческих позиций можно понимать как типы предметности [Тютюнник 2002].

Типы предметности, именуемые в ландшафтоведении *геокомпонентами*, как бы «лепятся» на поверхности смысла силами бытия, «действующими» из неосмысленных и неосмысляемых глубин а п о ф а т и ч е с к о г о⁴. В местах выхода сингулярностей на поверхность, там где образуются первичные складки, то, что есть в глубине апофатического, проявляется. Сингулярности можно вообразить как воронки с кривизной внутренней поверхности тора, своими, суживающимися до бесконечно малых диаметров «отверстиями», уходящие вглубь апофатического. Таково в общих чертах представление ландшафта поверхностью смысла и наоборот [Тютюнник 2002; 2011].

Ландшафт имманентен смыслу и топологичен «тем», что располагается над стихией, бездной апофатического. Он как бы репрезентирует всё то, что экзистенциально недоступно. Онтологическая функция ландшафта – обеспечивать топологическую доступность бытия, трансформируя его в тут-бытие, Dasein. Гносеологическая функция ландшафта – выступать в качестве вещно-предметной репрезентации поверхности смысла – в *месте*. Ландшафт – это то, что формирует (причем «формирует» в самом изначальном смысле: «придавать форму», «формовать») *круг непотаенного* (по Хайдеггеру). Ландшафт – это то, что служит основанием для субъективности.

Чтобы «получить» или «вывести» субъективность из ландшафта, обратим внимание, прежде всего, на тот простой факт, что смысл, как и его предметный «визави» – ландшафт, слошен. Не впадая в психическое расстройство, его нигде и ни в каком месте нельзя разорвать. Проходы в апофатику – «отверстия» сингулярностей – бесконечно малы, это не проколы и не разрывы смысла, это места его выхода на поверхность «через» бесконечность. В то же время, смысл дополняется, уменьшается, изменяется, подвергается разнообразным экзистенциально-топологическим трансформациям: привычные занятия нашей повседневности. Значит, поверхность-ландшафт обладает свойством эластичности. Воспользуемся им. Поставим простое и очевидное требование: поверхность смысла должна быть видимой, то есть очевидной (о видимости ландшафта можно и не говорить: невидимого ландшафта просто не существует). Значит, она должна быть освещена. Места, откуда на поверхность смысла пришел бы свет, нет: к поверхности смысла просто не применим такой топологический классификатор, как «над». Но такое место можно получить, если эластично вытянуть поверхность вверх: в форме «перевернутой сингулярности», то есть в виде поверхности острого окончания капли (что-то противоположное поверхности бесконечно сужающегося тора). Такое окончание создаст специфическое место на поверхности смысла, которое одновременно и принадлежит ей, и находится «над» ней. В этом-то месте и можно расположить источник света. В нем можно расположить также *точку зрения*.

Субъективность – «из» ландшафта

Поместим в эту точку наблюдателя. В интересующем нас практическом плане такую операцию первым проделал географ Георг Гомейер. Л. Бауэр и Х. Вайничке пишут, что Гомейер определил ландшафт как «окружающую территорию или совокупность местностей, просматриваемую с ближайших командных высот – прежде всего гор и возвышенностей» [Бауэр, Вайничке 1971, 12]. Это считается первым – шел 1805 г. – научным определением ландшафта: «наивным» и «примитивным», но первым. Кавычки в эпитетах поставлены не ради литературной выразительности: «наивный» Гомейер в своем определении ландшафта акцентировал внимание на его важнейшем феноменологическом свойстве: для своей идентификации ландшафт «требовал» некоей высокой точки (мы назвали ее *точкой Гомейера* [Тютюнник 2002]). И облигатность этой точки была введена в определение ландшафта. Позже некоторые французские

географы «привязывали» пейзаж к высоким точкам обозрения, но пейзаж и ландшафт – далеко не одно и то же.

Г. Гомейер был военным географом, это накладывало определенную специфику на идентификацию и понимание ландшафта. Автору на нее в свое время (1996) в переписке указал выдающийся советский географ В.С. Преображенский – тоже военный географ в период Великой Отечественной войны. Он рассказывал, что ему в процессе военной оценки местности приходилось решать непростую задачу: очень быстро понять главные для ведения боя особенности ландшафта, рекогносцировочно «схватить» местность – всю и сразу; при этом не было ни времени для размышления и анализа, ни права на ошибку (от правильной рекогносцировки зависели жизни людей). Такое «схватывание» ландшафта подразумевало не столько пошаговый аналитический дискурс (который в любом случае сохранялся – хотя бы для адекватной и унифицированной репрезентации результатов), сколько мощное включение интуиции, быстрое и глубокое вчувствование в местность с одновременным привлечением всей суммы профессиональных географических знаний. Необходимым было максимально возможное экзистенциально-топологическое слияние наблюдателя с местностью.

Такое слияние достигается не путем отстраненного наблюдения, не с помощью внешней идентификации, не посредством тривиального smотрения и даже не умным видением (хотя все эти моменты, конечно, присутствуют), а с помощью того, что в русском языке обозначается красивым старинным словом *зрак*. Согласно А.А. Зализняку, оно несет в себе такие смыслы: а) взгляд как таковой; б) зрачок, зритель; в) образ, вид, лик (см. <https://slovar.cc/rus/zaliznyak/1493528.html>). А.Ф. Лосев придал понятие зрака еще и философский смысл, отождествив его с важнейшим понятием феноменологии – понятием *г) узрения* («узрение сущности») [Лосев 1990]. С помощью понятия зрака мы можем самым прочным способом онтологически «склеить» наблюдаемый объект с наблюдающим субъектом, сохраняя между ними в то же время феноменологическую и, что еще более важно, экзистенциально-топологическую дистанцию. В такой диспозиции одновременно сущность предметности узревается, а предметность делает возможным узрение. Таким образом, зрак делает субъект и объект взаимозависимыми и взаимообусловленными, в то же время сохраняя между ними феноменологическую дистанцию внешнего наблюдения.

Если зрак – о д н о в р е м е н н о и «зрачок», и «лик», то это означает, что на поверхности смысла – в ландшафте он соединяет две крайние позиции: точку зрения – точку Гомейера и тот смысловой предел, который с нее открывается. В феноменологии, а сегодня уже и в математике [Вопенка 2004], этот предел называется *горизонтом*. Все, что находится за́ горизонтом, все это недоступно зраку топологически и феноменологически – потаенно. Однако потаенная область может быть частично доступной экзистенциально, раскрываясь перед человеком в процессе его жизни. Жизнь ведь во многом состоит из поиска и познания, человек живет тем, что постоянно идет к феноменологическому горизонту, открывает для себя новые горизонты, делает шаги за горизонт, тем самым отодвигая его все дальше и дальше. Во всяком случае, при желании и усилении он способен это делать. В то же время очевидно, что та область, которая находится за горизонтом, существовала, существует и будет существовать всегда. Это обуславливается не столько ограниченностью срока человеческой жизни, сколько топологическими свойствами поверхности смысла, ее нетривиальной кривизной. Всегда существующая область потаенного за горизонтом известна как *меон*. Обратим внимание, что меон и апофатика не различаются гносеологически, но очень хорошо отличимы друг от друга топологически: потаенное меона всегда – «за» (горизонтом), тайна апофатики всегда – «под» (поверхностью).

Точка зрения на поверхности смысла – точка Гомейера в ландшафте – это то место, из которого / в котором конституируется субъективность как таковая и каждое конкретное Я в отдельности. Перед любым Я, согласно Ж. Делёзу, лежит «мир как пирамида или конус, связывающий свое широкое материальное основание, которое исчезает

в дымке с некоей остроконечной вершиной, светозарным источником или точкой зрения» [Делёз 1998, 216–217]. Онтологически субъективность как таковая предстает как композиция «точка зрения – зрак – основание – горизонт». Здесь ничто не первично и ничто не вторично, ничто не изначально и ничто не производно, здесь всё взаимообусловлено. Основание – ландшафт, круг непотаенного – является такой же неотъемлемой частью композиции «субъективность», как и точка зрения. М. Хайдеггер подчеркивает, что «Subiectum», по существу своего понятия есть то, что в каком-то исключительном смысле заранее всегда уже предлежит, лежит в основе чего-то и таким образом служит ему основанием. Из чистого понятия “субъекта” следует, собственно говоря, исключить понятие “человек”, а тем самым и понятие “Я”, “самость”. Субъект – т. е. само по себе предлежащее – это камни, растения, звери ничуть не в меньшей мере, чем люди» [Хайдеггер, 1988, 266].

Исключая из субъекта человека, как об этом говорит Хайдеггер, мы «получаем» чистую субъективность, субъективность как таковую. Но, очевидно, не менее важно «получить» и субъективность конкретных Я, репрезентируемых уникальными индивидуальностями. На очерченной выше композиции субъективности как таковой (впервые созданной, как утверждает Делёз [Делёз 1998], Г.В. Лейбницем), конкретные Я образуются с помощью *малого шевеления* (понятие из теории катастроф [Арнольд 1990]). «Точка зрения, – согласно Делёзу, – вершина конуса – есть условие, при котором мы схватываем всю совокупность вариаций формы – вариаций, которые в топологическом смысле предстают перед нами как “бесконечная серия искривлений”» [Делёз 1998, 44]. Но каждая конкретная частичка «мы» улавливает только свое искривление, только свою комбинацию складок, только свою нюансировку жизненного мира, только свое осмысление круга непотаенного – только свой ландшафт. Это «только» обеспечивается малым шевелением в композиции «горизонт – основание – зрак – точка зрения». Или, если сосредоточиться на топологической составляющей, можно сказать, что малое шевеление это такая трансформация поверхности смысла, когда из двух позиций точки зрения – «до шевеления» и «после шевеления» – на горизонте раскрываются минимально отличные друг от друга формы, репрезентируемые складками. В переводе на язык феноменологии это значит, что нет двух идентичных жизненных миров, если жизненных мира два, то они хотя бы минимально, но отличны друг от друга. И факт этого отличия есть конституция конкретного Я.

Уникальных Я на поверхности смысла столько, сколько на данный момент времени существует шевелений – как малых, так и не малых. Каждое из них репрезентирует конкретное Я. Но это отнюдь не означает, что поверхность смысла испещрена эластичными конусами, на каждом из которых «сидит свой субъект». Конус один – «мир как конус», по выражению Делёза. Но его репрезентаций, обусловленных шевелением, столько, сколько конкретных Я. Мир одновременно единичен и множествен. Такой топологии трудно найти соответствие в формах, доступных человеческому представлению. Но онтология единичного множественного (бытия) в современной философии уже хорошо разработана (см., например: [Нанси 2004]). Освещение ее положений, однако, выходит за тематические рамки статьи.

И последнее. На ближайшем к точке зрения участке поверхности смысла, формируется особая, небольшая «по площади», но топологически вполне различимая и выразимая зона феноменологической неразличимости. Зраку она топологически и феноменологически недоступна из-за субвертикального искривления поверхности на асимптотическом «подходе» к точке зрения. Это зона *бессознательного* – третья, наряду с апофатикой и меоном, зона таинственности и непостижимости. От апофатики и меона она отличается тем, что может быть идентифицирована и осмыслена *другим*. То или иное конкретное Я не может рациональным способом идентифицировать свое собственное бессознательное, но это может сделать с о с т о р о н ы тот, для кого зона неидентифицируемости чужого Я топологически и феноменологически

доступна. Такими идентификациями занимаются психология и психиатрия, а в географии – некоторые разделы ментальной географии, которые вслед Г. Дебором [Дебор 2017] можно было бы назвать *психогеографией*.

«Как мыслят леса?» – вместо заключения

Научное сообщество в целом и сообщество «охранников» биосферы в частности сегодня пребывает в странной и экзистенциально неприятной ситуации. Все чаще и чаще выводы, рекомендации и проекты, предлагаемые позитивной наукой, и в ряде случаев успешно осуществляемые «с сегодня на завтра», в конечном счете, не приводят к позитивным практическим результатам или дают малый эффект, или даже противоположный. Этот контекст научного труда обычно выносится за рамки научного дискурса и переносится в область политики и философии, иногда технологии. Однако, изгнанный в дверь из лаборатории, аудитории, архива, конструкторского бюро и других помещений храма науки, он (контекст) возвращается «через форточку». И тогда аксиологические вопросы начинают казаться наиболее простыми из тех, которые встают перед учеными, особенно перед теми, кто несет интеллектуальную ответственность за ландшафт, географическую оболочку, окружающую среду. Возникают вопросы на порядок более сложные – экзистенциальные. В самом «безобидном» варианте – это вопросы мотивации научного труда [Дроздов и др. 2017]. Такая экзистенциально-методологическая (скажем так) ситуация, на наш взгляд, свидетельствует о том, что без пересмотра культуры в целом и науки в частности своей метафизической сущности (см. Примечание 2), уже не обойтись – чисто практически. Дальше этот пересмотр откладывать некуда. Еще одно поколение, ну два – и каким он, ученый – «оптимизатор» географической среды и ландшафта станет, ради чего будет трудиться, какими принципами руководствоваться в своем научном поиске, к каким практическим результатам приведет его реальная деятельность в сфере «устойчивого» или «сбалансированного» развития?..

Пересмотра понимания метафизической сущности новоевропейской науке, в рамках которой мы пока все продолжаем работать и мыслить, не избежать. Очевидно, это будет акт нетривиальный, сопряженный с глубокой, уже идущей философской работой и кардинальным пересмотром господствующих парадигм – вплоть до того, что вопрос о том «как мыслят леса?» из разряда эффективной метафоры нужно будет переводить в разряд полноценного научного дискурса [Кон 2018]. В ландшафтной экологии начало подобного переосмысления можно уже наблюдать [Гродзинский 2014]. Но пока это первые робкие шаги. Настоящая статья – попытка сделать еще один такой шаг. Его практический смысл очень прост: осознание ландшафтной природы *Я* и введение этого осознания в научный метод должны этот метод существенно изменить. Работать с ландшафтом – значит работать с самим собой, и наоборот. Проблемы экологии, будущего ландшафтной сферы переводятся в разряд производных от проблем экзистенциальных (сегодня дело обстоит наоборот). Как будет осуществляться такой перевод, ясно не до конца, но кое-какие контуры начинают просматриваться. Так, нужно избежать «подводных камней» религиозных и квазирелигиозных деклараций, предлагающих простые «решения» непростых проблем взаимоотношения человека с окружающей средой. Целесообразно сохранить все то позитивное, что несет в себе наработанный новоевропейской наукой рационализм и в то же время широко открыть методологические и методические «двери» перед эпистемологиями иных – не западных культур (о чем убедительно пишут Ф. Дескола [Дескола 2012], Э. Кон [Кон 2018] и другие современные антропологи). Может быть, на новом витке развития научного знания, придется по-новому посмотреть на методологии Средних веков. Широкие возможности открываются постнеклассическими трактовками науки и философии. По-видимому, предстоят и другие важные, трудные шаги. Время постмодерна – переходное. Проблема в том, куда переходное? В состоянии столь красочно описанного А.А. Зиновьевым

[Зиновьев 2019] глобального «человеяника», где рационализм доведен до абсурда? Или в позитивное и продуктивное для будущих поколений, а во многом уже и для нынешнего, состояние? Последнее, по нашему мнению, вряд ли станет возможным, если не научиться мыслить так, как мыслят леса: без кавычек. Разработка одного из принципиальных моментов такого мышления предложена в этой статье.

Примечания

¹ Которая, по наблюдению А.А. Зиновьева [Зиновьев 2019, 210], уже привела или в скором времени приведет к прямо противоположному результату – к бессилию предпринимать что-либо по своей воле в наших взаимоотношениях с природой.

² «Новому человеку... нечего больше делать на земле, кроме как упрочивать и увековечивать свое абсолютное господство над ней – или поставить под вопрос свою собственную метафизическую сущность» [Хайдеггер 1988, 313].

³ Хотя одно высказывание мыслителя стоит привести: «Истолкование “природы” как протяженной вещи... есть тот первый решительный шаг, который сделал метафизически возможным новоевропейскую машинную технику и с нею – новый мир и его человечество» [Хайдеггер 1988, 285].

⁴ Понятие апофатики и апофатического – из области богословия (хотя оно активно используется и некоторыми философами, в частности тем же А.Ф. Лосевым). Апофатическое в данном случае следует понимать как то, что «подстигает» поверхность смысла, на чем она базируется. Поскольку апофатическое не есть сама поверхность смысла, то оно никоим образом и ни при каких условиях не может быть помыслено, оно – предмет веры и религиозного чувства.

Источники – Primary Sources in Russian and English

Арнольд 1990 – *Арнольд В.И.* Теория катастроф. 3-е изд, доп. М.: Наука, 1990 (Arnold, Vladimir I., *Theory of Catastrophes*, in Russian).

Бауэр, Вайничке 1971 – *Бауэр Л., Вайничке Х.* Забота о ландшафте и охрана природы / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1971 (Bauer, Ludwig, Weinitschke, Hugo, *Landschaftspflege und Naturschutz*, Russian Translation).

Делёз 1995 – *Делёз Ж.* Логика смысла / Пер. с фр. М.: Академия, 1995 (Deleuze, Gilles, *Logique du sens*, Russian Translation).

Делёз 1998 – *Делёз Ж.* Складка. Лейбниц и барокко / Пер. с фр. М.: Логос, 1998 (Deleuze, Gilles, *Le Pli – Leibniz et le baroque*, Russian Translation).

Зиновьев 2019 – *Зиновьев А.А.* Глобальный человек: избранные произведения. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019 (Zinoviev, Alexander A., *The Global Humant Hill*, in Russian).

Лосев 1963 – *Лосев А.* История античной эстетики. Т. 1. Ранняя классика. М.: Высшая школа, 1963; АСТ, 2000 (Losev, Alexei F., *The History of Classical Aesthetics*, Vol. 1, *Early Classics*, in Russian).

Лосев 1990 – *Лосев А.Ф.* Философия имени. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990 (Losev, Alexei F., *The Philosophy of Name*, in Russian).

Фейерабенд 2010 – *Фейерабенд П.* Прощай, разум / Пер. с англ. М.: АСТ; Астрель, 2010 (Feuerabend, Paul K., *Farewell to Reason*, Russian Translation).

Хайдеггер 1988 – *Хайдеггер М.* Европейский нигилизм // Проблема человека в западной философии / Сост., послесл. П.С. Гуревича, общ. ред. Ю.Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 261–313 (Heidegger, Martin, *Der Europäische Nihilismus*, Russian Translation).

Ссылки – References in Russian

Вопенка 2004 – *Вопенка П.* Альтернативная теория множеств. Новый взгляд на бесконечность / Пер. со словацкого. Новосибирск: Институт математики, 2004.

Гродзинский 2014 – *Гродзинский М.Д.* Ландшафтная экология: підручник. К.: Знання, 2014.

Дебор 2017 – *Дебор Г.* Психогеография / Пер. с фр. М.: Ad Marginem, 2017.

Дескола 2012 – *Дескола Ф.* По ту сторону природы и культуры / Пер. с фр. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

Дроздов и др. 2017 – *Дроздов А.В., Каганский В.Л., Колбовский Е.Ю., Трейвиш А.И., Шупер В.А.* Лейтмотивы географических исследований: каковы они и нужны ли нам? // Известия РАН. Серия географическая. 2017. № 3. С. 118–128.

Кон 2018 – *Кон Э.* Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека / Пер. с англ. М.: Ад Маргинем, 2018.

- Нанси 2004 – Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное / Пер. с фр. Мн.: Логвинов, 2004.
Тютюнник 2002 – Тютюнник Ю.Г. Тоталлогия ландшафта. К.: Центр гуманітарної освіти НАН України, 2002.
Тютюнник 2011 – Тютюнник Ю.Г. Философия географии. К.: Університет «Україна», 2011.

References

- Vopěnka, Petr (1989) *Úvod do Matematiky v Alternativnej Teórii Množín*, Vydavateľstvo Technickej a Economickej Literatúry, Bratislava (Russian Translation, 2004).
Grodzyn's'kyi, Myhailo D. (2014) *Landscape Ecology*, Znannya, Kyiv (in Ukrainian).
Debord, Guy (2006) *Psychogéographie*, Gallimard, Paris (Russian Translation, 2017).
Descola, Philippe (2005) *Par-delà Nature et Culture*, Editions Gallimard, Paris (Russian Translation, 2012).
Drozдов A.V., Kaganskiy V.L., Kolbovskiy E.Yu., Treivish A.I., Shuper V.A. (2017) 'The Leitmotifs of Geographical Research: What are They and Do We Need Them?', *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk, Seriya Geograficheskaya*, Vol. 3 (2017), pp. 118–128 (in Russian).
Kohn, Eduardo (2013) *How Forests Think: Toward an Anthropology Beyond the Human*, University of California Press, Berkeley, Los Angeles, London (Russian Translation, 2018).
Nancy, Jean-Luc (1996) *Être Singulier Pluriel*, Editions Galilée, Paris (Russian Translation, 2004).
Tyutyunik, Yulian G. (2002) *Totallogy of Landscape*, Tsentр Gumanitarnogo Obrazovaniya Natsional'noi Akademii Nauk Ukrainy, Kyiv (in Russian).
Tyutyunik, Yulian G. (2011) *Philosophy of Geography*, University "Ukraina", Kyiv (in Russian).

Сведения об авторе

ТЮТЮННИК Юлиан Геннадиевич –
доктор географических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Института эволюционной экологии
НАН Украины.

Author's information

TYUTYUNNIK Yulian G. –
DSc in Geography, Professor, Leading Researcher
at the Institute for Evolutionary Ecology,
National Academy of Sciences of Ukraine.